

Музыканты «расквартировались» в Клифтоне. Вечером того же дня я приняла их приглашение вместе выпить. Точнее, первой заикнулась об этом я сама. Загвоздка только в том, что мне такие посиделки и не очень-то нужны были сейчас. Увы, случайно высказанное предложение было поддержано ну очень оживленно. И окончательно меня добил неодобрительный взгляд курсанта Фокс.

Поначалу, сидеть с ними в трактире Лорел было одним удовольствием, словно я вернулась в прошлое и выпиваю после репетиции в Нью-Йорке. Интерьер, освещенный лампами с разноцветными огоньками, несколько мешал моим мечтаниям о старых добрых временах. Я старалась пить как можно меньше, чтобы не сболтнуть лишнего.

Ребята сперва сдержанно между собой посмеивались над моей (по сравнению с ними) трезвостью, но с количеством употребляемого «топлива» тема становилась всё более обсуждаемой. Однако, не единственной.

Все они знали друг друга в течение многих лет и хоть не были профессиональной группой — временами играли вместе. Увлечение музыкой стало тем, что объединило их еще в подростковом возрасте. Кроме того, я поняла, что люди, сидящие сейчас передо мной — далеко не полный состав большой и дружной компании со своими внутренними проблемами, чаяниями и стремлениями. И в той же степени, что и музыка, их объединяло то, что они все потомки иномирцев. Тэмми работала преподавателем в школе искусств, Саймон был барменом, и так далее. Одна только Холли решила связать свою жизнь с тем, что имело отношение к двум взаимопроникающим друг в друга Мирам. Она пошла по стопам своего старшего брата, служившего в магической части Бюро в отделе по связям с общественностью.

В тот вечер, из многочисленных подколов и шуточек, стало ясно, что пресса начала активное обсасывание темы «Кто такая Кристина Йорк?» Я временами сама смеялась над этим. Как тошно было мне на самом деле, думаю, лучше умолчать.

Итог встречи за кружкой эля был до невообразимого предсказуем — отправилась спать раньше всех.

На следующий день у нас была назначена репетиция. Она проходила так же на свежем воздухе. Из всех участников вчерашнего «похода в кабак» бодрее всех выглядели Тэмми и я, с остальными дело обстояло куда... выразительнее.

Пока музыканты разыгрывались, я сидела на порожке фургона и по памяти пыталась восстановить тот последний придуманный Джен и группой, с которой мы тогда выступали, кавер на песню одной известной поп-исполнительницы и актрисы. Представляя перед глазами откидной блокнот на пружинах формата А4, каким пользовалась моя подруга, я карандашом на нотных листах наскребала наброски аккордов и текст под ними. Порой это сопровождалось стуком кулака по лбу и хватанием за волосы — аккорды не хотели вспоминаться.

Когда я протянула итог часового мучения своим новым знакомым, то почувствовала, что заливаюсь краской. В наличии у меня ошибок сомневаться не приходилось, так как сама на

музыкальных инструментах не играю. Старания Джен пропали даром. Я была одинаково плоха как в попытках игры на гитаре, так и на синтезаторе.

Группа дружно склонилась над моими каракулями. Лицо Холли стало серьезным и несколько недовольным. Дин не сдержался и загоготал.

— Ты действительно хочешь петь это? — Саймон поднял на меня слегка оплывшее после вчерашнего лицо. Он особенно подчеркнул последнее слово.

Короткий прерывистый кивок.

— Знаю, на ваш взгляд, наверное, такая песня ужасно попсовая...

— Да при чем тут вообще «попсовость»? — вмешалась Тэмми. — Это ж чистой воды провокация! Газетчики тебе до конца дней будут припоминать такой... эпатаж.

— Выпендрей, будет точнее, — добавила Фокс с кислой миной.

— Значит, буду популярной, — с невинной улыбкой я сложила пальцы знаком «V». — Шокировать — уже половина успеха! Или вы про «вижуал кей» не слышали?

— А это что за зверь? — спросила Фокс, одалживая у Ленни сигариллу.

— Хм, — я почесала затылок, — что-то вроде глэм-рока, панка иже с ними, но с японским акцентом...

— Японцы меня как-то не возбуждают, — усмехнулась курсантка.

— Я тебя об этом и не прошу, — почесывание затылка продолжалось. — Суть в том, что концепцию своего внешнего вида на это выступление я тоже собираюсь разработать... Нет-нет, вас в этом участвовать никто не просит!

— О, мой Бог! — Холли была раздосадована и одновременно удивлена моими идеями.

— Да, ладно тебе, Фокс, — принялся в демонстративно-игривой манере утешать ее басист. — Занятное шоу придумал наш «поющий агент»!

Так вот, он был не прав. Самое занятное началось гораздо раньше, когда я отправилась искать Донну Уандер с целью выклянчить у неё что-то перекусить для всех. Компания же осталась дорабатывать музыку к каверу. И именно Донна рассказала мне, пока собирала корзинку сэндвичей, словно для пикника, что ещё вчера Ван Райан все-таки пригласил ранее

упоминавшийся струнный коллектив. Резко захотелось поговорить с ним на предмет выяснения отношений, но в поместье он отсутствовал.

Корзину сэндвичей встретили с восторгом, а новости — нет.

— Давайте я поговорю с шефом, когда он вернется, — проглотив последний кусочек хлеба во время самопального пикника, осторожно предложила я, — и выясню, что он там задумал. Репетировать надо аккуратно, чтобы до торжества минимальное количество людей было в курсе того, что мы планируем исполнять, и сам именинник в особенности. Говоря об исполнении... меня тут посетила идея, какой именно песней поздравить директора, хе-хе... Только её тоже надо переложить в другом ключе. Короче, на то время, что вы здесь, прошу вас стать моим сообщниками. Если нет, то...

— Идет, — тихо произнесла Холли.

— Поддерживаю, — Тэмми широко улыбнулась. — Мы тут немного посоветовались, пока тебя не было, и решили рискнуть и остаться на твоей стороне.

— Кха... И кто же, мне интересно знать, заварил всю эту кашу с выступлением? — Фокс просмеялась и теперь косилась на меня.

— Сложный вопрос, — предельно честный ответ звучал бы так: «Наверное, я».

К организации приема Ван Райан в итоге не допустил никого из нас, ограничившись комментарием, что мы можем не беспокоиться, и нам он отдает всю вторую часть вечера. С меня директор требовал отдельное обещание уйти со сцены как можно раньше. Я, в свою очередь, его успокоила тем, что исполню всего лишь две песни.

На кровати ждало заранее приготовленное платье светло-бирюзового оттенка — единственное привезенное с собой, что я могла надеть по такому случаю. Короткое, но в пределах «уголовного кодекса», на тонких бретелях и с адекватным вырезом декольте. Вечерний макияж изменил мое лицо. Я смотрела в зеркало и не узнавала эту девушку.

Одевшись и заколов волосы в произвольный пучок, я подхватила серебристые босоножки и большой бумажный пакет с подготовленным для выступления костюмом.

Было около восьми вечера, когда я дошла босиком до компании единственных людей, с которыми за прошедшие дни мне удалось почувствовать себя «своей в доску». Я отчетливо понимала, что в моём теперешнем положении это лишь иллюзия, но, чёрт возьми, иллюзия приятная. Нам было весело вместе, и мы над многим смеялись.

Меня постоянно награждали характеристиками «тупица» и «позерша». Сначала было неприятно, но я быстро поняла, что это они так — искренне, по-дружески. Музыканты и друг другу давали прозвища, порой похлеще моих.

Про них уже слагали байки. Конкретно про то, как они каждый вечер отдыхали в «Тролле и чёрном единороге». Говорят, ребята стали завсегдатаями и сумели расположить к себе абсолютно всех, чья нога переступала порог заведения.

Озеро с множеством помостов и тентов сверкало внизу, а два, ставших мне родными, фургона одиноко стояли на склоне по дороге к месту проведения праздника.

Когда я нарисовалась на горизонте, то увидела, что все участники коллектива, облаченные в строгие брюки, белые рубашки и черные галстуки, стоят, смотрят на озеро и нервно курят в долгий затяг. Курить страшно захотелось и мне самой.

— Йоу, народ! — поздоровалась я. — Можно я пакет с костюмом вам оставляю?

— Она еще спрашивает... — выпустил струйку дыма Дин.

— Спасибо, извините за неудобства, — и я скрылась в одном из фургонов.

— Что за экзотическая манера постоянно извиняться, по поводу и без? — пожала плечами Холли Фокс.

Потом, высунувшись из фургона, я попросила ребят дать мне воды, чтобы отмыть ноги после прогулки босиком. Водой со мной охотно поделились.

— А почему вы не на озере? — поливая ступни из пластиковой бутылки и опираясь о дверцу машины, поинтересовалась я.

— Скучняк там... полный, — небрежно протянул Ленни.

— Ну, мне в этот скучняк сейчас надо идти... Так что, пожелайте удачи!

Ремешки босоножек плотно обхватили щиколотки. Я сделала несколько пробных шагов, проверяя устойчивость обуви.

— А то, хочешь, оставайся с нами до выступления, — предложил Саймон. — У нас тут выпивка есть и парочка косяков...

Холли Фокс с силой треснула парня по плечу, а гитарист недоуменно на неё уставился в свою

очередь.

— Чокнулся, что ли? Она же была агентом! — яростно шикнула девушка в его сторону.

Знакомое чувство зародилось у меня в груди. Именно такого совершенно открытого и даже панибратского отношения мне и не хватало. Такого, каким могут похвастаться лишь очень близкие приятели или друзья.

— Ветер сегодня шумный... — протянула я с улыбкой, направляясь напрямик к озеру. Мне никто ничего не ответил — погода была абсолютно безветренной.

Грудь возбужденно вздымалась по мере того, как я приближалась к праздничной декорации. Тогда я еще не знала, что впоследствии этот день запомнится мне надолго — 15 июня 2006 года...

Несколько минут я простояла перед деревянным помостом, ведущим к середине озера, где близко друг к другу располагались понтоны. Над некоторыми из них возвышались белоснежные тенты, а другая часть оставалась под открытым небом. По поверхности озера скользили лампы из цветного стекла. Всюду, отражаясь на водной глади, мерцали фантастические огни, больше похожие на маленькие звезды. Часть этих огоньков, будто живые, сновала туда-сюда по бокам помоста на разной высоте.

Вот Ван Райан расстарался, умереть и не встать! Сколько же денег сюда вбухано?

Выверяя каждое движение, я шагала по скрипучим доскам помоста. Понятно, что все это задумано для антуража, но практически — очень страшно — вдруг нога провалится.

Моё опасное маленькое путешествие окончилось, как только я поднялась на первый понтон. Передо мной мелькали силуэты множества гостей: парадные одеяния, достойные кисти живописцев, и вечерние наряды более привычные для моих глаз — всё сливалось в один красочный водоворот. Зрелище поглощало, заставляя рот удивленно приоткрываться...

Мимо пробежал парнишка в форменной одежде, наверное, официант. Недолго думая, я окликнула его:

— Молодой человек, можно мне «Секс на пляже» и побыстрее, пожалуйста!

Тот вылутился на меня так, словно он с рождения жил в монастыре.

— Да что ж это такое?! — возмутилась я. — Что за Советский Союз — «А у нас секса нет!» Значит так, сейчас подходите к одному из барменов, неважно к какому, и передаете ему мою просьбу. Уверяю вас, уж кто-то должен понять.

Молодой человек тут же поскакал от меня, как от маньяка-убийцы, на совести которого минимум десять жертв. Тьфу, ты Господи! Он что, из Отделённого мира? Неужели там вся молодёжь такая? И что это за вечеринка, где коктейль заказать не у кого и переспать не с кем?

Несколько гостей обратили в мою сторону любопытные взгляды. Наверное, мне лучше поменять дислокацию. И было кое-что такое, на что мне хотелось взглянуть.

Зафиксировав на губах дежурную улыбку, я двинулась дальше, опасливо избегая столкновений с другими приглашенными. Надо признаться, это больше походило на попытку скрыться в толпе от преследования. И все же толпа меня интриговала. Взгляд постоянно перемещался то в стороны, то мне под ноги. Один понтон, второй понтон, третий, ещё немного и достигну центра. Вдруг, когда я в очередной раз разевала рот на какую-то шикарную даму, при этом продолжая идти, мой лоб встретился с чьей-то широкой грудью.

— Ходят тут всякие, а потом месячные пропадают, — огрызнулась я себе под нос и, подняв глаза, столкнулась со знакомым до боли взглядом. На этот раз Ван Райн выглядел несколько иначе: в чёрном смокинге с атласными воротом и лацканами и при бабочке. Главную же перемену в его внешности я заметила не сразу, а когда заметила...

— Ван Райан, что у тебя на голове? — произнесла я, не веря глазам своим. — Ты похож на лощеного выпускника Гарварда! Или на респектабельного яппи(1), особенно, если учесть, на какой машине ты едешь...

Он с досадой провел рукой по волосам, которые теперь были коротко острижены и по-деловому зачесаны назад. Одна маленькая непослушная прядка незамедлительно спружинила и выскочила на лоб. Ван Райан утомленно прикрыл глаза, видимо, уже изрядно намучившись с вышеозначенной проблемой.

— Феррари — подарок от коллег на позапрошлый день рождения, только и всего. Что касается внешнего вида — на официальных мероприятиях я всегда выгляжу подобным образом. К тому же, Эндрю говорит, что с длинными волосами я слишком похож на персонажа вампирского фильма...

— Эндрю — это твой парикмахер? — я едва сдержала себя, чтобы не разразиться истерическим хохотом — уж очень сильно этот Эндрю оказался точен в сравнении.

— Нет, мой личный помощник.

— А мне было бы жалко отрезать такие роскошные волосы... Ты только прикинь, сколько денег можно было бы заработать на рекламе шампуня!

Ой, я опять ляпнула лишнее, но Драйден, кажется, этим шуточкам значения не придал, он был занят тем, что рассматривал меня. Наконец, полукровка удовлетворенно тряхнул головой.

— Я удивлен, ты подобрала подходящий случаю наряд, и мне не придется за тебя краснеть... — возникло ощущение, что это стало для него бальзамом на душу. Он просто мой сценический костюм ещё не видел. — И, кстати, тебе очень идет, — внезапно мягким тоном дополнил он, после чего у меня возникло желание в ужасе отскочить от него подальше.

— Ты случайно на солнце сегодня не перегрелся?

— Насколько я знаю — нет. А к чему такой вопрос?

— Да потому что ты сделал мне комплимент, как в какой-нибудь «мыльной» опере!

Он рассмеялся звонко и непривычно, чуть запрокинув голову назад. Тут было отчего удивленно на него вытаращиться.

— То есть ты против того, чтобы я делал тебе комплименты?

— Не знаю, — замаявшись пробормотала я. Действительно, а что в этом такого? Всего лишь дань вежливости и элемент светского общения. Однако меня почему-то внутренне передернуло.

— Кристина, я не кусаюсь, — с насмешливым выражением лица напомнил Ван Райан.

— Давно ли? — автоматически выдала я первое, что пришло на ум. Его плечи еще раз содрогнулись от хохота.

— Не переживай об этом. Достаточно давно.

— А, ну ладно. Я пойду поищу сцену, — памятуя о том, что мы на официальном мероприятии, и моё общество вряд ли было для него желательным. Мало ли что потом в газетах напишут?

— Я могу проводить тебя, но сначала ты должна пойти со мной, — настойчиво произнес он.

— Зачем?

— Есть один человек, с которым ты должна встретиться.

— О-о-о! Надеюсь, это симпатичный молодой парень, — держу пари, у меня просветлело лицо, а глаза загорелись надеждой и желанием.

— Вообще-то, нет, — судя по его выражению лица, меня ждал облом — Ван Райан загадочно улыбался. — Это молодая, но успевшая добиться успеха, журналистка, которая хочет написать правдивую статью про тебя. Тем самым позаботившись о твоей, и моей заодно, репутации.

От разочарования я горько вздохнула, и вдруг, как со мной часто бывает, до меня дошла очевидная вещь.

— О, Господи!

— К чему вдруг столь экспрессивное восклицание?

— А что если здесь, на приеме, меня кто-то может узнать и не как Кристину Йорк?

— Не стоит так нервничать, Юрген Вульф покинул торжество двадцать минут назад, — шеф отмахнулся от меня. — Не стоит забывать, что ты опоздала почти на час (качает головой) и пропустила всю официальную часть.

— Простите, но опоздания обязательный элемент имиджа звезды, если ты не в курсе! К тому же, мне нужно было распеться. И, может, ты просветишь меня хоть теперь, есть ли тут люди, способные меня опознать. Ну, типа твоих коллег, директоров ЦРУ и АНБ...

— Нет, к сожалению, мисс Мария Корбин и мисс Айрис Бах не смогут почтить своим присутствием этот приём. Они впервые за три года после вступления в свои должности взяли короткие отпуска и отправились на Гавайи. Директрисы ограничились поздравлением по почте.

Драйден продолжал удивлять меня сегодня: теперь от него веяло лукавством и изворотливостью, точно от опытного шулера.

— Ты специально это подстроил? — впредь буду всегда держать с ним ухо востро. А-то нашелся тут, старый интриган!

— Пришлось... Как раз их я бы хотел видеть на своём юбилее, но возникает проблема — они могут раскрыть твою подлинную личность...

Неожиданно рядом с нами образовался тот самый официант с моим коктейлем.

— Ваш «С-с-екс на пляже», — с трудом доложил парень, изрядно запыхавшись. Видимо, ему пришлось долго меня искать, чтобы принести выпивку.

Директор ФБР выразительно приподнял бровь.

— О, наконец-то, не прошло и года, — проворчала я, беря с подноса коктейль с множеством украшений на фужере, включая маленькие американский и английский флажки. Официант тут же вежливо кивнул и удалился.

Я с наслаждением стала потягивать коктейль через трубочку. И тогда Драйден галантно предложил мне руку. С огромным недоверием я покосилась на его локоть.

— Пойдем?

Лениво и словно бы с неохотой я приняла приглашение, а затем он повел меня на соседний понтон. Во время последующей короткой переправы мне на ум пришел наилюбопытнейший вопрос.

— Мне вот тут стало интересно, а что с тобой сделают директрисы АНБ и ЦРУ, если узнают, что ты, мягко говоря, обвёл их вокруг пальца?

— Вобьют мне осиновый кол в сердце, — мрачно пошутил Ван Райан (я аж поперхнулась). - Они леди, но покладистостью нрава не отличается ни одна из них.

— Не мудрено, при их-то должностях... — поддакнула я.

— Да, есть немного. Кроме того, знаешь, как характер закаляется при общении с нашим нынешним президентом? Очень трудно разговаривать с человеком, который даже не знает, что в Бразилии тоже живут представитель негроидной расы(2), тем более, о магии. Он, к тому же, нас к себе по любому поводу любит вызывать...

— О, помню этот скандал с президентом Бразилии в Белом доме! Опозорился Буш тогда на весь мир, и уже не в первый раз.

— Удивительно, как такая, в общем-то, неглупая девушка, как ты, способна изъясняться, подобно портовому грузчику из Квинса, — уничижительно заметил Ван Райан.

— Ненормативная лексика — это состояние души, невероятно точно передающее все внутренние ощущения! Иногда это почти поэзия...

Он, было, открыл рот, но в итоге решил не тратить силы на пустые пререкания. Довольно улыбнувшись, я продолжила шествовать рядом с ним мимо гостей. Правда, улыбка быстро стала тускнеть. Кто-то поглядывал на Ван Райана с нездоровым интересом, затем переводя недоуменный взгляд на меня. А еще через несколько мгновений удивленно разевать рот пришлось уже мне.

Музыка, точно плывшая по воде, звучала все ближе и ближе. Я застыла как громом пораженная и отцепилась от директора ФБР, готовая едва ли не завопить от восторга. Это было оно, место нашего выступления, а также моя любовь с первого взгляда.

Высокая и просторная прямоугольная сцена-коробка занимала почти весь понтон. Портал сцены был обозначен металлической конструкцией, напоминающей ворота, задняя часть

оканчивалась натянутым белым полотном. Кулис, как таковых не было, но какое это имеет значение, когда ты видишь перед собой новую, ещё не взятую, высоту? До этого дня мне ни разу не доводилось выступать на такой большой сцене. Поэтому сейчас я была даже не способна уделить внимание играющим на ней виртуозам, различая лишь фигуры с инструментами — классическое сочетание: две скрипки, альт и виолончель. Мой беглый взгляд нашарил там же на сцене аппаратуру ребят, ждущую своей очереди; всю, кроме гитар, которые они решили оставить при себе на время посиделок у озера.

Стоя на понтоне, расположенном по диагонали к подмосткам, я чувствовала, как дрожь пробегает по всему телу. Всё это не может быть правдой. Сказка, сон, галлюцинация — всё, что угодно, но не правда! Это слишком прекрасно для того, чтобы ею быть...

Джен, мне так жаль, что ты не видишь того, что вижу сейчас я. Так жаль, что ты сейчас не со мной...

— Нам дальше, — позвал меня полукровка. Я несколько раз моргнула, выходя из транса, а потом уставилась на него совершенно сумасшедшим взглядом.

— Да я тебя сейчас расцелую! — звучало прямо как угроза.

Казалось, его глаза даже распахнулись от неожиданности, а потом он поднял руку в предупредительном жесте.

— Вот этого, пожалуйста, не надо. Кругом полно журналистов...

А как взять меня под руку и потащить через все честное сборище, так это ничего страшного?

— Ах, вот вы где! – ласкающий слух тёплый женский голос. Такой голос, который легко может вскружить голову любому.

К нам приблизилась женщина. Трудно сказать, сколько точно ей было лет, но она бесспорно очень красива. И выше меня на полголовы. Стройная фигура, не лишенная приятных глазу изгибов, была способна вызвать острый приступ зависти у многих женщин. Изящный вечерний наряд из плотно облегающей тело ткани сапфирового цвета, с глубоким треугольным вырезом на груди выгодно подчеркивал главные достоинства. Поверх наброшена полупрозрачная накидка. Чёрные блестящие волосы мягкими волнами ниспадают на плечи и струятся по спине. Шоколадно-карие глаза обворожительно поблескивали из-за очков в аккуратной оправе. Было заметно, что её кожа смуглая от природы, но сейчас женщина выглядела несколько бледной.

Она улыбалась чётко очерченными сочными губами, напоминающими лепестки роз, хотя было что-то вымученное в её улыбке.

— Саманта Стефанис, — представилась женщина первой и протянула мне руку. — Но все зовут меня просто — Стеф.

— Саманта Стефанис? Та самая? — я не верила своим ушам — журналистка, которой так восхищается Чак Уандер. Да, с её внешностью у меня бы не было проблем попасть в шоу-бизнес. Надеть на неё хоть мешок — все равно будет выглядеть великолепно, и не нужно заморачиваться на привлекающий внимание имидж, как мне.

— Кристина Йорк? Та самая? — улыбка Саманты стала гораздо более радушной и ироничной. Чувством юмора она явно не обделена. — Вы совсем не похожи на Кристину Йорк, по крайней мере, на ту, какой вас преподносит пресса.

Когда мы пожали друг другу руки, я заметила в её свободной руке бокал с соком. Может, она так хорошо выглядит, потому что не пьет? Тогда и я уйду в завязку.

Тут непонятно откуда опять возник всё тот же официант.

— Дамы, мистер Ван Райан. Ничего не желаете?

— Мне повторить, — произнесла я, поставив пустой фужер на поднос. В завязку уйду с завтрашнего дня.

Ван Райан отрицательно мотнул головой. В ту же секунду Саманта утомленно прикрыла глаза и ладонью прикоснулась к губам.

— Нет, спасибо, больше ничего не нужно, — за неё ответил Драйден, а когда официант отошел, обратился к своей знакомой. — Саманта, с вами всё в порядке?

— Всё отлично, мне просто немного нехорошо, — вымолвила та.

И тут, удивительное дело, у меня сработала логика. Я глянула на сок в её руке, потом на лицо, выражение которого было таким, словно у бедняжки ком в горле, и напоследок опустила взгляд. Да, животик едва наметился, но он есть.

— Вы... вы беременны! — едва не вскрикнула я.

— Уже заметно, да? — снова с вымученной улыбкой спросила она.

— Чуть-чуть, — пытаюсь оправдать собственную беспардонность, произнесла я.

— Как к появлению у меня на юбилее отнесся твой муж? — спроси Ван Райан.

— Вполне нормально, он ждет меня в снятой комнате тут, в Клифтоне. В конце концов, я приехала работать, а не развлекаться.

Диалог вернул меня в реальность.

— Что, Ван Райан зажал лишнее приглашение? - шутка должна была разрядить обстановку.

Саманта засмеялась искристым смехом. Сам же упомянутый в шутке именинник лишь смерил нас строгим взглядом.

— Да нет же! К сожалению, на подобные крупные мероприятия простым смертным вход закрыт, — пояснила журналистка.

— «Простым смертным», в смысле не имеющим отношения к элите?

— «Простым смертным», в смысле тем, кто не является выходцем из Отделённого мира, — Саманта посмеялась над моей несообразительностью. — В других обстоятельствах мы бы пришли вдвоем, но сегодня здесь собралось слишком много людей, скептически настроенных против таких союзов, как мой и Доминика. Впрочем, жителей Первичного мира, не имеющих отношения к элите, в этих кругах не любят ещё больше...

Возникла неловкая пауза, и это была моя вина. До сих пор мне не выпадала возможность пообщаться с журналистами. Что мне теперь говорить?

— Э... а какой у вас срок?

— Три месяца, — довольно ответила Саманта.

— Когда одна моя коллега по старой работе была на третьем месяце, она страшно мучилась токсикозом. Малоприятная штука, — тут же умудрилась вставить я.

— Это еще ничего, а вот что начнется, когда...

— Я вам не мешаю? — как бы невзначай бросил полукровка.

— Прощу прощения, Драйден, — мягко произнесла Стефанис. — Мы же должны обсудить дело.

— Совершенно верно, — деловым тоном заметил Ван Райан.

— Ну, что ж, — Саманта переводила взгляд с именинника на меня. — Давайте начнем с вопросов личного характера...

Журналистка подмигнула, а я отчаянно попыталась собраться с мыслями.

— А вы не будете доставать блокнот, диктофон или что-то типа того? — растерянно поинтересовалась я.

— Главный диктофон — это моя память! — выразительно развела руками Саманта. — Итак, первый вопрос, который волнует очень многих читателей, адресован вам обоим: существует или, быть может, существовала между вами связь?

— Нет...

— Нет!

Журналистка склонила голову на бок, внимательно к нам приглядываясь.

— Опишите характер ваших отношений?

— Исключительно деловые, отношения наставника и ученика, — очень формально начал Ван Райан. — И должен признаться, ученика весьма своенравного...

Казалось бы, во фразе не было ничего такого, но надо слышать, каким тоном он это сказал. Такую шпильку с его стороны я не могла обойти вниманием. Саманта тем временем вопросительно посмотрела на меня.

— Мне он вообще на нервы действует! — не слишком изящно парировала я. — Вот именно мое руководство и довело меня до ухода в Защитники.

— И что, никакой, даже самой маленькой интрижки?

После моего последнего рискованного заявления, директор Бюро, очевидно, решил ответить в том же духе исключительно забавы ради.

— Я с ней? Да, ни за что на свете...

— Я с ним?! Да, ну его на..!

Саманта громко расхохоталась, несмотря на свое самочувствие.

— Но отвечаете на вопросы вы вдвоем довольно слаженно.

Драйден высокомерно глянул на меня и сложил на груди руки.

— Странно, что ты ещё не слышала, но на Испытании она меня победила, — холодно заявил он.

— Вот это да! — у Саманты округлились глаза. — Вы... его... побили? Невозможно.

— Просто справедливость была на моей стороне!

— Точнее, я поддался... — стоя в своей горделивой позе, усмехнулся шеф, а Саманта страдальчески возвела глаза к небу, осознавая, как говорит Фокс, всю глубину кризиса.

Я почувствовала, как чьи-то пальцы обвили запястье. У меня едва сердце не остановилось от такой внезапности. Повернув голову, я обнаружила рядом с собой Саймона.

— Крис, скоро наш выход!

— Тогда ты возвращайся, а я следом, хорошо? — пойти за ним сразу было бы просто невежливо по отношению к человеку, которому меня только что представили. Гитарист безразлично кивнул и отправился в обратном направлении.

— Прошу прощения, мне пора. Давайте продолжим позже... Надеюсь, вам понравится шоу... — тактично отвесив полупоклон, я тоже собиралась идти.

— Буду смотреть из первых рядов! — с готовностью заверила меня журналистка.

Распугивая гостей, я пулей полетела, как мне казалось, в нужную сторону. Заметив на своем пути официанта с моей новой порцией коктейля, притормозила рядом. Схватила фужер, залпом осушила его, вернула обратно на поднос и понеслась дальше. Боюсь, этот парень рискует стать зайкой после моих выходов.

Я начинала здорово нервничать; ничего, нужно только надеть сценический костюм и мне сразу станет легче, как бывало и прежде. И неожиданно меня снова кто-то схватил за руку... Холодные пальцы — это не Саймон, это...

— Что опять? — раздраженно поинтересовалась я у Ван Райана. — У меня и так каждая секунда на счету!

— Есть одна просьба — не пей сегодня больше. Иначе что я с тобой, пьяной, опять буду делать? — Совершенно спокойно заявил тот.

— Как что? Спать, естественно, — пришлось съязвить мне, чтобы покинуть своего собеседника,

которому моя шутка, как всегда, пришлась не по вкусу.

Волнение постепенно покидало меня, так как на него просто не оставалось времени. Добравшись до места стоянки ребят, я без единого слова с разбегу впрыгнула в фургон и захлопнула за собой дверь, чтобы впопыхах начать переодеваться; из-за спешки все валялось из рук. Каким-то чудом, мне удалось дополнить макияж вполне сносными чёрными стрелками. А потом, уже собранная, я зачем-то сложила руки перед грудью. Закончив свои непонятные моления и собравшись с духом, я потянула в сторону дверцу машины.

Меня ждали — ждали, с закинутыми на плечо гитарами — и стоило мне появиться, как Холли встретила меня восклицанием «О, мой Бог!». Бог тут, конечно, был не причем...

Я нетвердо стояла на траве, обутая в высокие чёрные лаковые сапоги; шпильки были неустойчивыми, но красота... продолжать не буду, сами знаете. Чёрные бриджи из костюмной ткани держались низко на бёдрах за счет пояса с шипами - в лучших традиция неформальной моды. Белоснежная, правда, успевшая помяться в пакете блузка с коротким рукавом была наглухо застегнута до подбородка, зато нижнюю её часть я завязала узлом под грудью, тем самым открывая живот. Наличие пирсинга и татуировки на моём теле вызвало оживленные пересуды.

Еще когда ребята только рассказали мне, в чем собираются выступить, у меня родился собственный образ. И да, галстук у меня тоже был. Короткий, широкий галстук, выполненный из бисера и ставший мне теперь дороже иных украшений — его своими руками сделала Джен.

— М-да-а-а... — снова протянула Фокс. — Это что же на тебе такое?

— Считайте, что пародия на дресс-код ФБР, — с этими словами я натянула на пальцы правой руки немного грубоватого исполнения кастет, с соответствующей надписью — «ФБР». Его мне и сделал мистер Смит, кстати, весьма удивленный таким заказом. — А это мои чёрные очки... — И, смеясь, повязала на глаза полоску чёрной кружевной ткани.

Парни несколько нецензурно высказались, что, да, такой костюмчик вполне «цепляет». Девушки были более сдержанны в комментариях.

— Вы позволите мне стать вашим фронтменом на ближайшие два трека? — Я вытянула руку вперед, ладонью вниз, прося всех принять меня.

— Позволяем, — ладонь Ленни первая накрыла тыльную сторону моей.

— Даже и не на два! — тут же включился в процесс Саймон, следуя примеру товарища.

— Конечно! — продолжил процедуру Дин.

— У меня возражений нет, — произнесла Тэмми.

Фокс несогласно покивала головой поначалу, скорее, для острастки, а потом положила свою ладонь сверху наших соединенных рук.

— Чёрт с тобой, Йорк!

«Он всегда со мной, Холли...»

Мы прокладывали себе путь по понтонам. Впереди шли три девушки: Холли, с лихо закинутой на плечо гитарой, Тэмми и я, а парни замыкали построение. К нам резко обращались взгляды и, чем ближе мы подбирались к сцене, тем взгляды становились высокомернее и придирчивее. Щелкали вспышки фотокамер.

На большом понтоне, расположенном строго перпендикулярно к сцене и представляющем собой вип-зону и танцплощадку, нам пришлось остановиться, чтобы дать спуститься струнному квартету. В ожидании я повертела головой по сторонам и наткнулась на именинника в первом ряду перед сценой, там же находились Барбара, подле Ван Райана, и все обитатели поместья. На леди Бересфорд было красивое платье цвета шампанского с длинными рукавами, завышенной талией и струящейся юбкой с длинным шлейфом. Бри Филдс выглядела настоящей кокеткой в нежно-розовом наряде. Донна щеголяла в блестящем изумрудном платье, акцентирующем внимание на её груди, ничуть не стесняясь своих объемов; Мисс Мейер — в классическом чёрном платье в пол и накидке-болеро; Мистер Филдс и мальчишки — в костюмах. И только Кроу оставался верен своему чопорному темному наряду.

Бри, стоявшая за спиной Ван Райан, заметила мой взгляд и с широченной улыбкой вытянула два больших пальца вверх. Я кивнула в ответ. А вот сам юбиляр был не очень рад лицезреть меня в таком виде. Смотрел он так, словно не будь здесь всех этих гостей, самолично попытался бы меня прикончить. Сейчас его взгляд пугал меня даже сильнее, чем взгляд Кроу.

Сначала на сцену вышли ребята, и только потом я. Холли, Саймон и Ленни принялись подключать и настраивать инструменты под всё набирающий обороты гул толпы; Дин и Тэмми занимали свои места.

Я медленно шла вслед за ними, чувствуя, как кровь в венах начинает бурлить. Сердце стучало в обычном ритме, но с какой-то безумной силой. Остановившись рядом с микрофонной стойкой, повернулась к залу спиной. Я стояла, смотрела на наш случайно образовавшийся коллектив и ждала сигнала начинать.

И вот серия обмена короткими кивками, означающими готовность.

— Раз-раз... Ну что ж, добрый вечер, уважаемые гости, мистер Ван Райан, — чуть развернувшись к микрофону (из-за света ramпы мне всё равно не было ничего видно) несколько пылко от возбуждения, заговорила я. В начале фразы микрофон слегка зафонил, но это быстро сошло на нет. — Позвольте для начала представиться, — широким жестом моя рука указала на барабанщика. — Ударные — Ди-и-ин!

Парень пожал плечами и без тени волнения прошелся по всей установке, закончив на тарелках. Рука переместилась на другую участницу.

— Клавиши — Тэмми-и-и!

Девушка сделала глиссандо по всей клавиатуре, а затем сыграла что-то короткое и блюзовое.

— Ритм-гитара — Саймон!

Ответом был настоящий хардкорный дисторшн.

— Бас-гитара — Ленни!

Несколько щипков пальцами, рождающих звуки мягкой тембровой окраски.

— Соло-гитара — Холли-и-и!

Пудобнее перехватив гитару, курсант Фокс непринужденно заиграла соло-партию к песне «Metallica» «Остальное не важно». И это было в высшей степени роскошно. Так же легко, как начала, она остановилась и, склонившись к микрофону, произнесла:

— И вокал — Кристина... — поняв, что публика не должна понять, о какой именно Кристине идет речь, гитаристка решила зрителя добить. — ... Йорк, теперь уже полноправный Защитник леди Бересфорд, хозяйки этих земель. Благодаря широким взглядам леди, мы сейчас и выступаем перед вами! — Она обратила взгляд туда, где должна была находиться Барбара — сомневаюсь, что Холли на самом деле её видела. — Большое спасибо!

Заявление Фокс вызвало настоящий резонанс, я почувствовала, как краска предательски заливает щеки, хотя всё шло практически по плану. Сейчас должна заиграть Тэмми, и мы с ней вдвоём закончим наше музыкальное знакомство. И через полсекунды она заиграла...

Sorry if I ain't perfect...(3)

Мой голос звучал резко и яростно, повергая в шок, прежде всего откровенностью текста. Акценты в интонации были намеренно расставлены, чтобы эффект был как можно более провокационным, будто не поёшь, а отвечаешь на нанесенное тебе оскорбление.

Sorry I'm not a virgin

Sorry I'm not a slut...(4)

Наверное, нужно поблагодарить Кристину Агилеру за эти строки. В них столько смелости, смелости на грани фола. Но именно такая смелость мне и была сейчас нужна...

Не успели зрители отреагировать на один оглушительный вызов — о, да, это был вызов — как я снова заговорила в микрофон:

— А теперь... прежде чем поздравить виновника торжества, я хотела бы сделать одно небольшое заявление...

Я встала перед микрофоном, расставив ноги на ширину плеч, опустив руки вдоль тела и, словно для покаяния, склонив голову. Заиграло инструментальное вступление, состоящее из тяжелых гитарных рифов. Также было слышно, как ритмично ударяются друг о друга барабанные палочки. Холли и Саймон синхронно играли одну и ту же музыкальную фразу, остальные подключались по очереди, начиная с Дина.

Композицию теперь было сложно узнать: она была разобрана на составные части, усложнена, «утяжелена» и будто склеена заново. Мелодия звучала чуть более протяжно и депрессивно, прежним сохранялся только темп вокального сопровождения.

«Раз, два, три, четыре...» — отсчет в голове, и на следующий такт я резко раскидываю руки в стороны, вытягивая пальцы, чтобы подчеркнуть эмоциональность жеста. Вокруг меня из пола вырастают золотистые прутья света, соединяющиеся в клетку над головой. Мне очень долго приходилось репетировать по ночам в своей комнате этот трюк, чтобы он получился таким как сейчас, а не превратился случайно в фаер-шоу, с которым я не смогу совладать.

Я вплотную придвигаю к себе микрофон, обхватив его руками, и исподлобья смотрю в пространство на танцплощадке, не вкладывая в эти движения кокетства или сексуальности — лишь агрессию. Песня называется «Слухи»...

Well, I just need a little space to breathe

Can you please respect my privacy...(5)

Слова пропеваются быстро и отрывисто, по возрастающей интонации, будто голос то и дело срывается на вскрики отчаяния. Песня демонстрирует юношескую горячность, в которой порой делаются самые опрометчивые заявления. Но что, если ты неспособен ответить ничем, кроме музыки?

По мере того, как заканчивался припев, мне нужно было подготовиться к небольшому маневру, и во время проигрыша перед следующим куплетом я поставленным жестом вытянула руку вперед. Щелчок большим и указательным пальцами по ближайшему световому пруту; иллюзия клетки разлетелась мелкими, полыхающими огнем осколками, заполняя собой воздух на несколько метров вблизи сцены. Пару вечеров назад мне едва не посчастливилось поджечь полог на своей кровати таким образом. Но в данный момент это уже не важно. Волна чувства, накрывающего с головой — она затапливала моё существо изнутри — волна адреналина.

— Can you please respect my privacy, — при этих словах моя рука с кастетом наносит удар прямо перед собой, будто бы по воображаемому противнику.

Песня подходит к концу. Глаза привыкали к свету рамп, и уже можно было различать выплывающие из светового облака лица и силуэты. Первые ряды так и оставались покрытыми белой дымкой, и более-менее отчетливо были видны мне только совершенно незнакомые люди. Часть приглашенных неприятно кривилась при взгляде на сцену, что совершенно естественно. Ни одного артиста не может ждать только почет и уважение на его пути... И лишь благодаря чёрному пиару, а не моим личным заслугам, сегодня так много людей не смогло обойти меня своим вниманием. Но какое это может иметь значение, когда ты стоишь перед толпой? Когда даже время течет для тебя по-другому, и на несколько минут ты сам, словно перестаешь существовать и в то же время ощущаешь значимость момента, будто вся твоя предыдущая жизнь была лишь тенью.

Припев повторяется в последний раз с особым остервенением; слова становятся тяжелым дыханием.

Конец песни — мягкий обрыв звука, как будто тебя оборвали на полуслове. Ребята замерли и напряглись, ожидая первой реакции, как и я.

Зал молчал. От души аплодировало лишь несколько человек перед сценой. А когда с танцплощадки донеслись восторженные крики, я узнала, что столь тепло нас встречали Чак, Бри и кто-то ещё.

— Спасибо, — возбужденно выдохнула я в микрофон. Затягивать со второй композицией мне по регламенту не полагалось. — А сейчас мы исполним песню, которую хотим посвятить нашему имениннику. Не волнуйтесь, это не «С Днем Рождения»... — Достав микрофон из гнезда, попыталась пошутить я. Кто-то вяло засмеялся.

Помню, когда мы думали над поздравительной песней, мой выбор поставили под сомнение, на что Тэмми сходу заявила остальным: «Если Крис будет петь «С Днем Рождения», то это может вызвать нездоровые ассоциации с Мэрилин Монро и президентом Кеннеди...» Такие ассоциации нам были не нужны.

Держа микрофон перед собой, я отступила на три шага назад. Вся неуверенность бесследно растворилась. Мне хотелось по-настоящему раскрыться и, чего там греха таить, если не завести толпу, то хоть заставить её невольно пританцовывать.

Клавишная партия, яркая, колоритная и зажигательная, обрушилась, принося с собой воспоминания о 80-х годах. Тэмми сыграла самую узнаваемую её часть в одиночку — так было задумано. И вот когда она остановилась...

Резко вступили ударные и гитары. Девушки — Холли и Тэмми — исполняли вокализ во вступлении на два голоса, гитаристка пела на октаву ниже. Каждая из них энергично двигалась, ведомая ритмом музыки. В след за ними должна вступить и я. Моя рука тянется вверх, к тёмному небу, в вопрошающем жесте.

— Where have all the good men gone and where are all the Gods(6)? — Я пела с придыханием и хрипотцой, стараясь подражать Бонни Тайлер. И начала танцевать, призывая зрителей повторять за мной.

И ещё я никак не могла перестать улыбаться в микрофон: Ван Райан ведь соответствовал кандидатуре «героя».

Снова голоса Тэмми и Холли вторят мелодии проигрыша. Покачивая бёдрами, я возвращаюсь на край сцены и ставлю ногу на усилитель, наклоняясь вперёд за рампу, чтобы быть ближе к публике. Начинается второй куплет.

Глядя на танцплощадку, всё ещё трудно отделаться от ощущения общей чопорности, но что-то стремительно менялось с каждой секундой. Теперь я видела, как Донна хлопала в ладоши в такт, и при этом её тело ритмично двигалось, будто она готова с минуты на минуту сорваться в пляс.

Видела, как находившиеся рядом её сын и Бри старались поддерживать «властительницу жара и огня», также от души забавляясь под звучащую песню, но мягкое колыхание форм женщины было неповторимым. И похоже их пример был заразителен: всё больше улыбающихся лиц, всё больше хлопков в ладоши, всё больше движения в толпе... Пожалуйста, пойте вместе со мной...

— I need a hero(7)! — Толпа подхватила припев дружными хлопками, лишь единицы продолжали стоять неподвижно, как и сам юбиляр. Саманта подпевала от души, прикрыв глаза, леди Бересфорд широко улыбалась и почти с гордостью следила за всем, что происходило на сцене.

Темп музыки замедлился, смолк синтезатор. Я отступала назад, оставляя центр сцены свободным, а Холли выдвинулась «на передовую». Она играла специально подобранное для этого случая соло и светилась изнутри в этот момент. Стоя поодаль, я могла видеть движения её рук, как перемещается по грифу зажимающая лады кисть и с каким упоением покачивается голова девушки. Музыка сейчас стала продолжением её самой. И вот она резко ударяет по струнам и начинается финальный куплет.

— Like a fire in my blood... — вытягиваем мы вместе в один мой микрофон, который я держу так, чтобы удобно было петь вдвоем. — I need a hero(8)! — В последний раз припев зазвучал усиленный десятками голосов.

Песня заканчивалась ударами барабанов и ревом гитар. Я подхожу к краю сцены и делаю поясной поклон. Вот они — те самые аплодисменты, звуки которых будоражат сознание, — громкие, звучащие, как единое целое. Это счастье, величайшее счастье, по крайней мере, для меня.

Я выпрямилась и послала воздушный поцелуй, никому конкретно его не адресуя.

— Спасибо... большое вам спасибо! — микрофон слишком явно раскрывал сбивчивость моего дыхания, и от этого голос казался несколько нервным. — На этом моё пребывание на сцене подходит к концу, и я оставляю вас в обществе этих прекрасных музыкантов! — оглянувшись на ребят, я благодарно им кивнула и только сейчас почувствовала, как капли пота скользят по всему телу. Одежда прилипла, даря несколько дискомфортные ощущения — естественный итог любого сценического выступления, когда ты выкладываешься на полную. После такого и умереть не жалко.

— Ещё! — одинокий голос среди смолкающих звуков одобрения. Я ищу глазами говорившего. Бри, не нужно было... Но к неокрепшему детскому голосу присоединяются и другие. Всё вокруг поплыло разноцветными, бьющими по глазам пятнами. И, словно в прострации, я бросаю взгляды в разные концы сцены, задавая молчаливый вопрос группе. Музыканты немного растеряно кивают, но никто не протестует.

— Хорошо, ещё одну песню... Её мы не репетировали, поэтому я спою акапельно... Песня называется «Отражение».

Именно эту песню я с завидным постоянством вспоминала в последний месяц моей жизни. Не могла не вспоминать, потому что как никогда соотносила лирику со своими переживаниями. Скажете, что это эгоизм и самолюбование? Кто знает... Возможно...

Я стояла на сцене, в трогательном жесте сложив ладони у сердца:

— Look at me you may think you see who I really am, but you'll never know me...(9)

Манера исполнения резко отличалась от всего, что звучало в этот вечер. Она была спокойной, и грусть сквозила в каждой фразе. Моё амплуа изменилось за несколько секунд, но разве это трудно, когда ты совершенно точно ощущаешь то, о чём поешь?

Вокруг образовывалось нечто — собственное опустошение окутывало меня, обнимало за плечи и прижималось ко мне, заставляя петь с какой-то совершенно нечеловеческой скорбью и одиночеством в голосе. Веки плотно сомкнулись. Зрители, гости, жители поместья — всё они перестали для меня существовать на мгновение. Я была одна внутри раскрытого кокона собственных противоречий, какими бы смешными они ни казались кому-то другому. И пела, пела для одного единственного человека в мире — для себя самой. Потому что если ты не поешь для себя, ты не сможешь петь и для других.

Тень чьей-то улыбки встает перед внутренним взором. «Ты по-прежнему остаешься маленькой напуганной девочкой, правда, Кристанна? — В моей голове эхом раздавался голос, который я опознала через три удара испуганно забившегося сердца. — Все остроты и выходы — это только способ заполнить пустоту в душе?»

Наверное, я испугалась, но подходящие слова все равно нашлись, и слышать их могли лишь двое.

«Зачем ты спрашиваешь, если уже знаешь ответ?»

«Просто...»

— When will my reflection show who I am inside?..(10)

1) Яппи (англ. Yuppie, Young Urban Professional — молодой городской профессионал) — молодые люди, которые ведут активный деловой образ жизни. Яппи имеют высокооплачиваемую работу, в одежде предпочитают деловой стиль, следят за модой, посещают фитнес-центры. Основным критерий принадлежности к «яппи» — успешность в бизнесе.

2) Здесь имеется в виду случай, когда Джордж Буш - младший во время разговора с президентом Бразилии Фернанду Энрике Кардозу выдал один из своих самых знаменитых «бушизмов».

3) Извините, если я не идеальная... (англ.)

4) Извините, я не девственница

Извините, я не шлюха... (англ.)

5) Ну, мне просто необходимо пространство, чтобы дышать,

Прошу уважать мою частную жизнь (англ.)

6) Куда подевались хорошие парни,

Исчезли все боги куда? (англ.)

7) Я жду героя! (англ.)

8) Словно в жилах огонь...

Я жду героя! (англ.)

9) Посмотри на меня, ты можешь подумать, что видишь меня настоящую... (англ.)

10) Когда моё отражение покажет, какая я на самом деле? (англ.)

<http://tl.rulate.ru/book/20602/431858>